

Косовский кризис в повестке российско-американских отношений (1998–1999 гг.)

Косов А.П.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск;
Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Косовский кризис 1998–1999 гг. стал причиной первого открытого столкновения России и США в постбиполярный период. Он серьезноотяготил российско-американские отношения. В 1990-е гг. Москва рассчитывала на уважение ее мнения со стороны Вашингтона при решении актуальных проблем мировой политики, претендуя тем самым на статус великой державы. Однако ход кризиса показал обратное: США решили действовать без особой оглядки на Россию. Американское руководство рассчитывало, что Соединенные Штаты сумеют управлять реакцией РФ. Как видим, американцы оказались правы: Кремль недолго позлился, а затем пошел на восстановление деловых отношений с Соединенными Штатами. Тем самым агрессия НАТО против СРЮ показала беспомощность России на мировой арене.

Цель статьи – показать реакцию Российской Федерации на действия США на Балканах в период Косовского кризиса 1998–1999 гг.

Материал и методы. Публикация основывается на работах российских и американских авторов, посвященных взаимоотношениям РФ и США, а также проблемам региональной безопасности на Балканах в 1990-е гг. с использованием общенаучных и специально-исторических методов исследования.

Результаты и их обсуждение. Дестабилизация ситуации на Балканах в конце 1990-х гг. стала серьезным вызовом для ельцинской России, стремящейся стать частью западного мира. Ведь Косовский кризис продемонстрировал серьезные расхождения внешнеполитических линий Москвы и Вашингтона: если администрация Клинтона была уверена, что использует военную силу в гуманитарных целях, защищая косоваров от «геноцида» сербов, то российское руководство считало, что США и НАТО попытались агрессией против Югославии укрепить свое лидерство в постбиполярном мире. Однако в ответ на действия НАТО Москва ограничилась лишь словесной риторикой в адрес Вашингтона и Брюсселя, которую американское руководство, по сути, не воспринимало всерьез, и демонстративной акцией Е.М. Примакова, прервавшего свою поездку в США, а также внезапным марш-броском российских десантников из Боснии с целью захвата аэродрома в Приштине на заключительном этапе кризиса. Конечно, противопоставить Западу что-либо серьезное тогдашняя Россия не могла. На то не было ни сил, ни средств, ни политической воли высшего руководства страны. Очевидно, что в конце 1990-х гг. Россия не располагала в полном объеме военными и дипломатическими средствами противодействия Западу. «Разворот» Е.М. Примакова над Атлантикой стал максимумом того, что можно было сделать, чтобы продемонстрировать американцам свою негативную реакцию на применение военной силы против Югославии. Правда, и данный поступок главы правительства РФ был вскоре нивелирован Б.Н. Ельциным, пошедшим на уступки Западу. Однако «разворот» Е.М. Примакова над Атлантикой имел отложенный, кумулятивный эффект, предопределивший дальнейшее развитие российско-американских отношений. Тем самым Косовский кризис окончательно подвел черту под романтическим периодом российско-американских отношений. Военная операция НАТО против СРЮ имела негативные последствия для их дальнейшего развития. Своими действиями Вашингтон открыто указал Москве, что Америка не собирается считать Россию равной себе и делить с ней ответственность за судьбу постбиполярного мира, а намерена поступать так, как американцы посчитают нужным.

Заключение. Сделан вывод о том, что политика России в отношении урегулирования Косовского кризиса во многом зависела от взаимоотношений с Соединенными Штатами в 1990-е гг. Москва, не поддерживая силовой вариант решения данной проблемы, навязываемый мировому сообществу Вашингтоном, была вынуждена маневрировать. С одной стороны, российское руководство, стремившееся сделать страну частью западного мира, не намеревалось вступать из-за Югославии в конфронтацию с США. С другой стороны, Б.Н. Ельцин и его ближайшее окружение, осознавая резко негативную реакцию на агрессию НАТО против СРЮ российского общества и политических кругов, в условиях острой внутривнутриполитической борьбы должны были делать резкие заявления в адрес Запада. Это вело к колеблющимся, противоречивым и непоследовательным шагам Москвы, что отвечало американским интересам. Таким образом, Косовский кризис 1998–1999 гг. продемонстрировал падение реального веса России в мировой политике.

Ключевые слова: Россия, США, НАТО, СРЮ, российско-американские отношения, Косовский кризис, Балканы.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 56–64)

Kosovo Crisis in the Russian-American Relations (1998–1999)

Kosov A.P.

Education Establishment "Belarusian State University", Minsk
Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Kosovo crisis of 1998–1999 was the reason for the first open collision between Russia and the USA in the post-bipolar period. It seriously aggravated Russian-American relations. In the 1990s Moscow believed that its opinion would be respected by Washington in solving current world policy problems, and thus considered to have the status of a great power. However the course of the crisis showed the opposite: the USA decided not to take Russia into account. American leadership believed that the United States would manage the reaction of RF. As can be seen Americans appeared to be right: Kremlin was angry for a short period and then restored business relations with the United States. Thus NATO's aggression against SR Yu manifested Russia's helplessness in the world arena.

The purpose of the article is to show the reaction of the Russian Federation to the actions of the USA in Balkan during Kosovo crisis of 1998–1999.

Material and methods. *The publication is based on works by Russian and American authors which center round the relations between the RF and the USA as well as the issues of Balkan regional security in the 1990s using general scientific and special historical research methods.*

Findings and their discussion. *Destabilization of the Balkan situation in the late 1990s became a serious challenge for the Yeltsin Russia which was eager to become a part of the Western world. Since Kosovo crisis demonstrated serious discrepancies between the foreign policy lines of Moscow and Washington: if Clinton administration was sure that it used military force with humane purposes by protecting Kosovo people from the genocide of the Serbs, Russian leadership believed that the USA and NATO used the aggression against Yugoslavia for strengthening its leading position in the post-bipolar world. However, in response to NATO actions Moscow used only verbal rhetoric addressing Washington and Brussels, which American authorities did not take seriously, as well as demonstrative interruption by E.M. Primakov of his visit to the USA and a sudden march of Russian marine corps from Bosnia to capture Pristine aerodrome at the final stage of the crisis. The Russia of those days certainly could not seriously oppose the West. It had neither force nor money nor political will of the country administration. Russia did not have military or diplomatic tools to oppose the West in the late 1990s. E.M. Primakov's "U-turn" over the Atlantic was maximum what could be done to demonstrate Russia's negative reaction to America's using military force against Yugoslavia. At the same time, this act of the Head of Government of the RF was soon made insignificant by B.N. Yeltsin who yielded to the West. However, E.M. Primakov's "U-turn" over the Atlantic had a delayed (cumulative) effect which conditioned the following development of the Russian-American relations. So Kosovo crisis concluded the romantic period of Russian-American relations. The NATO military operation against SR Yu had negative effects for their further development. By his actions Washington openly showed Moscow that America is not going to consider Russia its equal and share with it the responsibility for the destiny of the post-bipolar world but that it is going to do what Americans think proper to do*

Conclusion. *Conclusion is made that Russia's policy regarding Kosovo crisis depended much on the relations with the United States in the 1990s. Moscow, which did not support the force variant of the solution of this problem imposed by Washington, had to maneuver. On the one hand, Russian leadership which tried to make the country part of the Western world was not going to confront the USA because of Yugoslavia. On the other hand, B.N. Yeltsin and his close surrounding, aware of the Russian society and political circles' negative reaction to NATO's aggression against the SR Yu, had to make sharp statements addressing the West. This led to Moscow's hesitant, contradictory and inconsistent steps which played right into Americans' hands. Thus, Kosovo crisis of 1998–1999 demonstrated the decline of Russia's real weight in the world policy.*

Key words: *Russia, the USA, NATO, SR Yu, Russian-American relations, Kosovo crisis, Balkans.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 56–64)

В конце 1990-х гг. обострился этнический конфликт в Косово, населенном албанцами и сербами. Косово занимало 20% территории Сербии и имело важное культурно-историческое значение для сербов. Именно здесь в 1389 г. состоялась известная Косовская битва. Однако албанцы составляли большинство населения края. Еще с конца 1980-х гг. они требовали от сербского руководства расширения своих прав. Примерно до 1996 г. ситуация в Косово была крайне нестабильной, но без масштабных вооруженных столкновений между сербами и албанцами. Но подписание в ноябре 1995 г. Дейтонских соглашений, положивших конец вооруженному противо-

стоянию в Боснии и Герцеговине, показало слабость международных позиций СРЮ. Это стало сигналом для активизации албанских сепаратистов в Косово. Они стали создавать свои структуры управления и игнорировать Белград. В накаляющейся обстановке Запад однозначно встал на сторону косоваров, а Россия посылала сигналы президенту СРЮ С. Милошевичу о поддержке сербов. Тем самым косовская проблема шаг за шагом становилась серьезным раздражителем в отношениях Москвы и Вашингтона.

Цель данной статьи – показать реакцию Российской Федерации на действия США на Балканах в период Косовского кризиса 1998–1999 гг.

Материал и методы. Представленная работа написана на основе публикаций российских и американских авторов – К.Н. Брутенца, Е.Ю. Гуськовой, Б.Н. Ельцина, И.С. Иванова, В.А. Кременюка, Е.М. Примакова, А.К. Пушкова, Дж. Голдгейера и М. Макфола, Дж. Мэтлока, А. Стент, С. Тэлботта и др., в которых рассмотрены перипетии взаимоотношений между Россией и США в 1990-е гг.

Методологической основой исследования стала совокупность научных принципов (историзма, объективности и системности). В процессе написания статьи использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение) и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-типологический, историко-генетический) методы исследования, позволившие показать атмосферу российско-американских отношений в условиях Косовского кризиса 1998–1999 гг.

Результаты и их обсуждение. Активизация албанских сепаратистов в Косово, включая вооруженные действия боевиков Освободительной армии Косово (ОАК) против сербских военнослужащих и полицейских, привела в 1998 г. к ответному применению силы со стороны СРЮ. В октябре 1998 г. югославскими силами безопасности удалось очистить край от многочисленных бандформирований. ОАК оказалась на грани поражения. Однако в ситуацию решил вмешаться Запад. Разумеется, не могла остаться в стороне от разрешения Косовского кризиса и Российская Федерация. Сначала в косовском вопросе российская дипломатия чувствовала себя несколько неуверенно. Сказывалось желание Москвы не обострять из-за Югославии отношения с США. Но по мере усиления давления американцев на Белград в Москве становилось все более очевидным, что за американскими декларациями о защите прав этнических меньшинств скрывается стремление Вашингтона диктовать свои условия суверенным государствам. Одним из твердых противников силового разрешения Косовского кризиса в российском руководстве был Е.М. Примаков. В апреле 1998 г. он выступил против попыток отделения Косово от Сербии и против размещения в крае «иностранных войск под чьим бы то ни было флагом». Итак, российская дипломатия подошла к пониманию возросшей опасности альянса, получившего права на бесконтрольную деятельность без одобрения СБ ООН. Поэтому Е.М. Примаков был решительно против любого военного вмешательства в косовский конфликт, однако противостоять этому так и не смог [1, с. 36].

Вашингтон и Москва стали активно обсуждать ситуацию вокруг Косово. Для решения косовской проблемы была создана Международная контактная группа в составе США, ЕС и России. Вашингтон инициировал обсуждение ситуации в крае в СБ ООН в виде обвинений сербов в геноциде. Американцы стали склоняться к силовому решению проблемы путем принуждения С. Милошевича к продиктованным Западом условиям. Главным сторонником использования во-

енной силы против СРЮ в администрации Клинтона была госсекретарь М. Олбрайт, которая считала, что боевые действия на Балканах будут непродолжительными [2, р. А1, 16]. Как известно, она оказалась права: кампания НАТО продолжалась только 72 дня.

В сентябре 1998 г. в ходе встречи на высшем уровне в Москве Б.Н. Ельцин и Б. Клинтон обсудили ситуацию в Косово, после чего 23 сентября 1998 г. СБ ООН принял резолюцию 1199 с призывом к прекращению огня, выводу из края югославских подразделений и допуску представителей неправительственных гуманитарных организаций [3, с. 304]. 2 октября 1998 г. была принята еще одна резолюция СБ ООН с требованием вывода югославских войск из края. Одновременно НАТО пригрозило осуществить бомбардировку СРЮ, если сербы не прекратят полицейские операции в Косово. В итоге С. Милошевич был вынужден уступить. Белград пошел на все условия Контактной группы. Однако нормализации ситуации в крае не произошло.

Угрозы американцев о возможном применении силы против Югославии вызвали недовольство Москвы. 5 октября 1998 г. в телефонном разговоре с Б. Клинтон Б.Н. Ельцин сообщил, что любое применение силы Западом против СРЮ неприемлемо [3, с. 304]. Ставший в сентябре 1998 г. министром иностранных дел И.С. Иванов продолжил курс Е.М. Примакова на сохранение территориальной целостности Югославии. Он выступил категорически против применения силы в урегулировании проблем края. Новый министр в этом вопросе получил поддержку всех ветвей российской власти, что повлияло на предотвращение в октябре 1998 г. военного вмешательства НАТО. Москва дала четко понять, что не поддержит действия Вашингтона, а в случае вынесения Соединенными Штатами вопроса о проведении военной операции на обсуждение СБ ООН применит право вето [4, с. 277]. Помешав нанесению спланированных воздушных ударов, Россия неожиданно для Запада в условиях тяжелейшего экономического кризиса нарушила ритм выполнения натовских планов. Казалось, что Россия впервые смогла стать контрбалансом негативных тенденций в системе международных отношений, как об этом не раз заявлял Е.М. Примаков, ставший главой правительства [1, с. 36].

В январе 1999 г. после обнаружения 45 трупов албанцев в селе Рачак на юге Косово глава работавшей в крае миссии ОБСЕ американец У. Уокер без проведения расследования обвинил сербское руководство в «геноциде» мирных албанцев. Вашингтон незамедлительно предъявил Белграду несколько ультиматумов. В ответ Белград объявил У. Уокера персоной нон-грата.

В создавшейся ситуации требовались очередные политико-дипломатические усилия по ее разрешению. В результате в феврале–марте 1999 г. в Рамбуйе под Парижем состоялось два раунда переговоров Контактной группы при участии сербской и албанской делегаций. По ходу переговоров Запад предъявил СРЮ ультима-

тум – дать согласие на размещение в Косово 30-тысячного контингента НАТО. Отказ Белграда от подписания предложенных военных приложений был использован американцами в качестве повода для начала военной операции против Югославии. Очевидно, что конференция в Рамбуйе, курировавшаяся лично М. Олбрайт, проводилась с тем расчетом, чтобы продемонстрировать миру нежелание Белграда решать косовский конфликт путем политического урегулирования.

Позиция России в переговорном процессе по косовской проблеме была достаточно противоречивой. Во многом это объясняется тем, что она формировалась под влиянием внутренних факторов, имевших к событиям на Балканах лишь косвенное отношение. Она служила не для обеспечения национальных интересов страны на международной арене, а в основном для удовлетворения различными группировками политической элиты России своих интересов внутри страны. В этом контексте и следует рассматривать восприятие российским истеблишментом косовской проблемы [5, с. 252]. Поэтому, с одной стороны, Москва долго поддерживала применение «мер воздействия» на Югославию, полагая, что Белград «не может противостоять международным стандартам», отклонила просьбу СРЮ рассмотреть в СБ ООН угрозы НАТО нанести воздушные удары по ее территории, не возражала против максимально широкого статуса автономии «с выходом на федерацию», что приближало Косово к созданию республики. С другой стороны, российское руководство придерживалось мнения, что вмешательство во внутренние дела суверенного государства требует особой процедуры прохождения в СБ ООН, для которой единодушие постоянных членов является неременным условием. Министр иностранных дел России И.С. Иванов упорно обличал амбициозные попытки НАТО вмешаться в югославские дела без санкций СБ ООН [1, с. 35, 37]. Возможно, прав бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок мл. в том, что «если бы не произошло расширения НАТО (причем именно в той форме, в какой оно произошло), российское правительство было бы гораздо более расположено оказать нажим на Слободана Милошевича, чтобы он договорился с косоварами, а в случае неудачи такой попытки – поддержать резолюцию ООН о военном вмешательстве» [6, с. 209].

Россия до последнего делала все, чтобы не поссориться с Западом из-за Косово. Вот как комментировал политику страны представитель МИД РФ В.О. Рахманин: «Для нас отношения с США имеют важное значение. Стратегические цели российской и американской дипломатии на Балканах совпадают» [7, с. 1]. Однако администрация Клинтона избрала силовым вариантом решения косовской проблемы, не взирая на протесты Москвы. Верх в Вашингтоне одержали силы, выступающие за войну. Например, осуществлявший политику США на Балканах заместитель госсекретаря Р. Холбрук не желал координировать свои действия с Москвой и был настроен на силовое решение косов-

ской проблемы [4, с. 276]. Республиканцы в Конгрессе, являвшиеся противниками использования вооруженных сил США за рубежом, одобрили военную операцию против СРЮ, поскольку сохранение американского влияния в Европе отвечало национальным интересам Америки как единственной сверхдержавы в постбиполярном мире. Правда, палата представителей отвергла предложение администрации послать наземные войска в Косово [8, с. 648]. Тем самым, начав 24 марта 1999 г. военную операцию против СРЮ, США продемонстрировали России, что она окончательно утратила способность влиять на ход мировой политики.

Агрессия НАТО против Югославии привела к возмущению и даже ярости многих россиян. В стране поднялась мощная волна державнических настроений. Российский истеблишмент, включая коммунистов, националистов, либералов, воспринял военную операцию против Югославии в реалистическом ключе – как выигрыш США и проигрыш РФ [9, р. 7]. Большинство граждан РФ восприняли действия НАТО не как гуманитарную акцию, а как агрессию со стороны Соединенных Штатов и их союзников. Возле посольства США в Москве начались антиамериканские акции. Согласно данным РОМИР, 46,3% респондентов считали, что виновниками конфликта являются американцы. После начала бомбардировок Югославии 90% россиян признали их ошибкой, а 65% населения России и вовсе назвали альянс агрессором. Правда, 30% опрошенных полагали, что в одинаковой степени в дестабилизации ситуации в крае виноваты и С. Милошевич, и албанские сепаратисты [3, с. 308–309; 10, с. 449].

24 марта 1999 г. практически все российские СМИ охватили антинатовские настроения. В МИД РФ начались разговоры относительно «адекватных мер», а в Министерстве обороны – о возможности силового ответа. Начальник Управления международного сотрудничества Министерства обороны РФ генерал-полковник Л.Г. Ивашов назвал НАТО «преступной организацией» [11, с. 112]. Политики всех мастей пытались набрать очки на косовском конфликте. Многие парламентарии выступили в пользу принятия «энергичных» мер Москвы по защите сербов. «Горячие головы» в России призывали россиян записываться добровольцами на Балканы, предоставить Белграду средства ПВО, а некоторые предлагали даже послать на помощь сербам российские войска, что привело бы к полномасштабному столкновению с НАТО. Госдума принимала резолюцию за резолюцией. Думские коммунисты вели активные переговоры со С. Милошевичем о создании военно-стратегического союза двух государств. Активно стал обсуждаться даже проект вхождения Югославии в союз России и Беларуси [12, с. 258–259]. А отдельные депутаты Госдумы предлагали отдать под суд генсека альянса Х. Солану за агрессию против СРЮ [11, с. 112].

Что касается российского руководства, то в связи с агрессией НАТО против СРЮ оно оказалось в

непростой ситуации. Б.Н. Ельцин, Е.М. Примаков и И.С. Иванов были вынуждены вести сложную игру. По внутривластным соображениям они делали грозные заявления в адрес Вашингтона и Брюсселя, но одновременно старались не испортить окончательно отношения с Западом. Так, 24 марта 1999 г. Б.Н. Ельцин во время телефонного звонка заявил Б. Клинтону, что для разрешения Косовского кризиса нужно действовать политико-дипломатическими средствами, а не военным путем [3, с. 307]. Война против СРЮ, как справедливо отмечал американец А.К. Пушков, разломала сознание Б.Н. Ельцина. С одной стороны, он еще жил иллюзией «партнерских отношений» с Западом. С другой стороны, президент РФ понимал, что не может поддержать США и НАТО, поскольку российская общественность его не поймет [13, с. 153]. По словам Б.Н. Ельцина, российское руководство не симпатизировало С. Милошевичу, но при этом не разделяло силовых подходов Запада к решению балканской проблемы. Он считал, что позиция Б. Клинтона применить силу в отношении «последнего коммунистического диктатора» С. Милошевича была ошибочной. Однако президент России так думал вовсе не из-за симпатий к сербскому лидеру, а совсем по другим причинам. Б.Н. Ельцин аргументировал свою точку зрения американскому коллеге следующим образом: «Народ наш теперь будет очень плохо относиться к Америке и НАТО. Я помню, с каким трудом менял отношение простых людей и политиков здесь, в России, к США и Западу. Было очень трудно, но мне это удалось. И теперь все это терять?» [12, с. 256]. Тем самым Б.Н. Ельцин рассматривал начало бомбардировок Югославии сквозь призму внутривластной борьбы в России. Он опасался, что коммунисты и националисты могут использовать балканскую карту в своих интересах, сыграв на панславянских чувствах россиян. Именно поэтому Б.Н. Ельцин был против военной акции НАТО [12, с. 258]. Учитывая настроения российской общественности, 25 марта 1999 г. он был вынужден охарактеризовать начавшуюся военную операцию против Югославии следующими словами: «Фактически речь идет о попытке НАТО вступить в XXI век в униформе мирового жандарма. Россия с этим никогда не согласится» [12, с. 257].

По словам министра иностранных дел РФ И.С. Иванова, Югославия не представляла угрозы региональной стабильности, а истинным мотивом Вашингтона была попытка утверждения однополярного мира по-американски [14, с. 69]. Глава МИД РФ назвал действия НАТО против СРЮ «самой вопиющей агрессией в Европе со времен Второй мировой войны» [3, с. 301]. При этом никаких силовых действий в защиту сербов Россия предпринимать не собиралась. Для страны «в равной степени неприемлемы как неоправданные уступки в ущерб собственным интересам, так и сползание к конфронтации с США» [15, с. 14]. Тем более что РФ была не готова идти на обострение с Америкой. И.С. Иванов считал, что ли-

ния Москвы, направленная на осуждение бомбардировок и призыв к переговорам, оказалась единственно правильной. По его мнению, вскоре Запад увидел, что без России ему косовскую проблему не решить [16, с. 482]. Глава президентской администрации А.С. Волошин на закрытой встрече с представителями СМИ признал, что МИД «слишком заигрался с Милошевичем» и это наносит ущерб национальным интересам страны [17, с. 246]. Интересно и мнение тогдашнего секретаря Совета безопасности РФ В.В. Путина, который считал, что не стоит заикливаться на Югославии. В первую очередь нужно решать свои проблемы, а не идти на обострение конфронтации с Западом [16, с. 482].

Американцы гневную риторику из Москвы воспринимали довольно спокойно. Они считали, что угрозы русских были пустыми по сути, поскольку в конечном итоге Россия всегда принимала действия Вашингтона вне зависимости от того, нравились они им или нет [3, с. 323]. Так, курирующий российское направление внешней политики США первый заместитель госсекретаря С. Тэлбот хорошо понимал имеющуюся разницу между тем, что русские говорят американцам приватно, и тем, что руководство РФ порой вынуждено говорить публично [18, с. 410–411].

Намного более резонансным, нежели гневная риторика в адрес Запада из уст Б.Н. Ельцина и И.С. Иванова, стало решение Е.М. Примакова, направляющегося с визитом в США на заседание российско-американской комиссии по сотрудничеству, развернуть самолет над Атлантикой в знак решительного протеста против военной операции НАТО. 23 марта 1999 г. премьер-министр РФ вылетел в Вашингтон. России и США нужно было решить целый ряд проблем: обсудить экономические и научно-технические связи, инвестиции, состояние мировых рынков и т.д. Российская делегация основательно готовилась к этой встрече, поскольку Москва была заинтересована в углублении двустороннего сотрудничества [4, с. 274]. Кроме того, на повестке дня стоял вопрос о получении РФ займа МВФ в размере 15 млрд долл. [19, с. 1].

Отправляясь на встречу с вице-президентом А. Гором, Е.М. Примаков рассчитывал, что американское руководство не будет ставить его в сложное положение, начав военную операцию против СРЮ именно тогда, когда он будет наносить визит в Соединенные Штаты. Тем более что Вашингтон также подчеркивал важность предстоящей встречи. Однако премьер-министр РФ переоценил дипломатичность американцев [4, с. 278].

После звонка А. Гора на борт самолета главы российского правительства о начале военной акции НАТО против Югославии Е.М. Примаков приказал развернуться и возвращаться в Москву. Вице-президенту США свое решение он прокомментировал следующим образом: «Я не могу начинать визит в США и не могу делать посадку на американской террито-

рии» [20, с. 296]. Премьер-министр подчеркнул, что решением начать бомбардировки сербских позиций Вашингтон поставил под удар все достигнутое в отношениях между РФ и НАТО, а также ратификацию Договора СНВ-2 [21, с. 151]. По его словам, Москва понимает всю важность российско-американского сотрудничества, но не собирается покорно воспринимать действия США [4, с. 292].

Конечно, в поступке Е.М. Примакова был эмоциональный момент, обусловленный негодованием по поводу безответственного поведения американцев. Он понимал, что военная операция против СРЮ не решала проблему Косово, а лишь усугубляла ситуацию на Балканах [4, с. 280]. Согласимся с известным американистом В.А. Кременюком в том, что «разворот над Атлантикой» Е.М. Примакова сыграл в развитии российско-американских отношений важную роль. Во-первых, он поставил точку в имевших место наивных мечтах о том, что Запад с восторгом примет Россию в свои ряды. Во-вторых, стало очевидным, что США будут всячески препятствовать возрождению России, поскольку Вашингтон по-прежнему видел в ней потенциальную угрозу [4, с. 290–291].

В самый разгар бомбардировок Югославии, в апреле 1999 г., Москва предприняла очередную попытку урегулирования кризиса политико-дипломатическим путем. 14 апреля 1999 г. В.С. Черномырдин, имевший не совпадающую с примаковской позицию относительно Косовского кризиса, был назначен спецпредставителем президента по югославскому урегулированию. Агрессия НАТО против Югославии серьезно усилила в российском обществе антизападные настроения, и Б.Н. Ельцин опасался, что Е.М. Примаков вполне мог объединить ту часть политической элиты страны, которая была не прочь бросить вызов Западу [12, с. 270]. Это очень беспокоило российского президента, который увидел в его лице прямого конкурента. По свидетельству самого Б.Н. Ельцина, при назначении В.С. Черномырдина было сильное давление со стороны представителей МИДа, которые считали, что для такого рода переговоров необходим дипломат со стажем, высокого ранга, может быть, замминистра иностранных дел [12, с. 260]. Либералы, напротив, говорили, что в связи с обострением отношений с Западом возглавить российскую миссию должен известный политик, которого там уважают. В окружении Ельцина, наоборот, надеялись на восприятие Западом В.С. Черномырдина как партнера, который поможет России сохранить лицо [17, с. 248]. Сам Б.Н. Ельцин считал, что у В.С. Черномырдина был огромный вес и авторитет как в Югославии, так и у американской политической элиты [12, с. 260]. Поэтому Кремль рассчитывал на то, что экс-премьер, с одной стороны, сумеет «смягчить» американцев, а с другой – окажет необходимое давление на С. Милошевича [16, с. 487]. Тем самым, назначая В.С. Черномырдина, Б.Н. Ельцин отказался от примаковской альтернативности, обеспечив себе благоприятные условия для

участия в Кельнском саммите «большой восьмерки» в июне 1999 г. [22, с. 65–66].

Приступив к исполнению своих обязанностей спецпредставителя, В.С. Черномырдин практически сразу же заявил, что Москве не стоит «бряцать оружием», а С. Милошевичу не стоит рассчитывать на помощь России [17, с. 246]. По признанию Б.Н. Ельцина, главной целью В.С. Черномырдина было склонение сербов к переговорам с Западом. Он жестко давил на С. Милошевича, давая ему понять, что военной поддержки от России не будет, а ресурсы политической поддержки со стороны Москвы уже исчерпаны. А от американцев В.С. Черномырдин пытался добиться передачи политического механизма урегулирования Косовского кризиса в СБ ООН. Он дважды летал в США, где вел переговоры с Б. Клинтон и А. Гором. В результате, восемь условий капитуляции, согласованных со С. Милошевичем, хотя и в измененном виде, попали в резолюцию ООН. По мнению Б.Н. Ельцина, капитуляция Югославии перестала быть унижительной для Белграда. Она была оформлена как резолюция СБ ООН [12, с. 263–264]. Очевидно, что в сложившейся ситуации Кремль решил ради С. Милошевича не портить окончательно отношения с США и европейскими государствами. В.С. Черномырдин, по сути, сдал все позиции РФ западным партнерам. Как отмечал политолог А.К. Пушкин, возможно, тактику смыкания с позицией Запада он выбрал из собственных расчетов, а, возможно, на это его нацелил сам Б.Н. Ельцин, исходя из того, что в конце концов югославский кризис будет преодолен и Москве не стоит из-за Белграда ссориться с западными странами [13, с. 157–158].

Представители Министерства обороны и Министерства иностранных дел РФ высказали целый ряд замечаний относительно деятельности президентского спецпредставителя по урегулированию ситуации на Балканах [17, с. 262]. Так, во время переговоров против В.С. Черномырдина выступил представлявший Министерство обороны генерал-полковник Л.Г. Ивашов, который посчитал согласованный В.С. Черномырдиным со спецпосланником генсека ООН экс-президентом Финляндии М. Ахтисаари и заместителем государственного секретаря США С. Тэлботтом документ неприкрытым ультиматумом Белграду, создававшим потенциальную угрозу территориальной целостности Югославии, и отказался его подписывать [16, с. 488]. В Госдуме с подачи левых фракций появился проект постановления, в котором деятельность В.С. Черномырдина по урегулированию Косовского кризиса объявлялась «противоречащей национальным интересам России», поскольку неопытный в международных делах экс-премьер сдал все позиции Западу [4, с. 293]. Так, лидер КПРФ Г.А. Зюганов назвал В.С. Черномырдина предателем. Даже член либеральной партии «Яблоко» и бывший российский посол в США В.П. Лукин заявил о профессиональной некомпетентности бывшего главы российского правительства [17, с. 265]. Тем не менее, несмотря на то, что В.С. Черномырдин не

снискал лавров главного миротворца, он добился того, что Россия не втянулась в прямую конфронтацию с Западом [17, с. 259].

9 июня 1999 г. сербские представители и командование сил НАТО подписали соглашение о прекращении огня и выводе правительственных войск из Косово, взамен которых в край был введен натовский контингент. При этом позиция Кремля по Балканам не вызвала у Вашингтона желания отблагодарить Россию, поспособствовавшую завершению боевых действий. Американцы самым энергичным образом отвергли попытки Москвы получить под временный контроль небольшую территорию Косова в целях защиты сербского меньшинства края [8, с. 489]. Подобное пренебрежительное отношение, в первую очередь, задело российских военных, настроенных антинатовски. У них (в частности, у представителя Министерства обороны РФ при НАТО генерала В.М. Заварзина) возникла идея использовать российских миротворцев из Боснии для захвата международного аэродрома в Приштине [17, с. 267]. Далее события развивались следующим образом. 11 июня 1999 г. в 11.00 Б.Н. Ельцин был проинформирован начальником Генштаба генералом А.В. Квашниным о плане марш-броска десантников в Приштину, а уже спустя полчаса колонна российских военнослужащих начала свое выдвижение. В Москве, в том числе и в самом Министерстве обороны, не было единства относительно необходимости проведения данной акции, однако отдельные военные, настроенные крайне враждебно к НАТО, в первую очередь генерал Л.Г. Ивашов, сумели ее реализовать. Что удивительно, МИД вначале был не в курсе о нюансах ее проведения. Министр иностранных дел И.С. Иванов был вынужден оправдываться перед прилетевшим в Москву С. Тэлботтом, требовавшим от российской стороны объяснений: почему колонна российских войск вошла в Косово [23, с. 404]. Мидовцы заверяли американцев, что случайное пересечение десанниками границы края является недоразумением. У представителей Вашингтона сложилось впечатление, что российские военные вышли из-под контроля: ни министр иностранных дел И.С. Иванов, ни министр обороны И.Д. Сергеев не имели реального представления о происходившем [3, с. 319].

Однако уже буквально на следующий день, 12 июня 1999 г., тон общения российского руководства с американской стороной изменился: операция в Приштине была оценена как крупный военно-политический успех, поднявший престиж России и обеспечивший ей более надежные позиции за столом переговоров [16, с. 500]. Российские десантники смогли закрепиться по периметру аэродрома Златина раньше, нежели подошедшие туда британцы. Командир британского подразделения генерал М. Джексон отказался выполнять приказ командующего силами НАТО американца У. Кларка «выбить русских с территории аэродрома» [24, р. 392]. Американский генерал считал, что русским нужно указать их место, не позволив укрепить

позиции в данном регионе [24, р. 395]. Очевидно, что если бы на месте британского генерала М. Джексона оказался другой командир, который беспрекословно выполнил приказ У. Кларка, дело могло дойти до вооруженного столкновения.

Сторонники захвата аэродрома Златина из числа представителей Министерства обороны РФ планировали переброску по воздуху на Балканы подкреплений из России, но не смогли получить разрешение на пролет через воздушное пространство Венгрии, Болгарии и Румынии. К слову, данные страны сделали это по настоятельной рекомендации США [3, с. 319]. По словам С. Тэлботта, В.В. Путин, с которым он встретился в тот же день, 12 июня 1999 г., якобы сказал ему о том, что за броском на приштинский аэропорт стояли «ястребы» в российском руководстве, которые своим поступком нанесли ущерб отношениям между РФ и США, однако он минимальный по сравнению с тем ущербом, который НАТО нанесло своими бомбардировками Югославии престижу Б.Н. Ельцина [23, с. 406].

В результате акция военных не принесла РФ никаких дивидендов. Оправившись от первоначального шока, Запад не смягчил свою позицию на переговорах с Москвой: никакого отдельного сектора в Косове и подчинение российского контингента общему командованию НАТО [17, с. 267–269]. Тем не менее российские военнослужащие продемонстрировали Западу, что несмотря на ослабление страны, армия не утратила боеспособности и способна выполнять поставленные задачи.

Несомненно, косовская проблема оказала важное влияние на российско-американские отношения. Попытка Вашингтона убедить Москву пойти навстречу в Косовском вопросе провалилась. Агрессия НАТО против СРЮ подорвала доверие между Москвой и Вашингтоном. Кремль не ожидал, что Запад решится на проведение военной операции на Балканах без санкции СБ ООН. Однако Североатлантический альянс, ведомый Вашингтоном, пошел на гуманитарную интервенцию в обход СБ ООН, где Москва обладала правом вето. Воздушная операция НАТО против Югославии – «Союзническая сила» – стала первой попыткой Запада осуществить на практике новую международно-правовую доктрину, усмотрев наличие «гуманитарной катастрофы» в Косово. В результате отношения по линии Россия – НАТО были заморожены почти на два года, что свидетельствовало о негативной реакции Москвы на действия западных партнеров. При этом во время Косовского кризиса проявилась противоречивость позиции России в том, хочет ли она быть на стороне Запада или играть особую роль на Балканах [14, с. 69]. Видим, что весной 1999 г. на протяжении двух самых трудных для СРЮ месяцев действия высшего российского руководства были непоследовательными, колеблющимися и неуверенными, приведшими к тому, что Россия выступила в роли инструмента давления на Югославию по натовскому варианту [1, с. 38].

В середине июня 1999 г. Б.Н. Ельцин приехал в Кельн на саммит «большой восьмерки», тем самым поддержав своим присутствием результаты войны против СРЮ, которые были отнюдь не в пользу РФ [13, с. 161]. По словам самого Б.Н. Ельцина, «20 июня 1999 г. в Кельне мы сделали первый шаг навстречу Западу после югославского кризиса» [12, с. 340]. Он был уверен, что Россия дала возможность НАТО с достоинством выйти из Косовского кризиса, решительно отказавшись от возобновления Холодной войны с Западом. «Именно этот вздох облегчения и прозвучал наконец в Кельне» [12, с. 341]. Очевидно, что для президента России на первом месте было себялюбие, а не национальные интересы. Он хотел быть равным среди лидеров ведущих держав мира. Б.Н. Ельцин затратил слишком много усилий для вхождения в «большую восьмерку». Б. Клинтон пошел на преобразование «семерки» в «восьмерку» только для того, чтобы предоставить российскому президенту возможность почувствовать свою важность и принадлежность России к Западу [3, с. 315]. С этой целью в Кельне Б. Клинтон не скупился на похвалы в адрес Б.Н. Ельцина [3, с. 321]. Поэтому из своего визита в Кельн российский президент не извлек никакой выгоды для страны, в частности, списания части внешнего долга России. «Дружба» Б.Н. Ельцина с его западными коллегами обернулась лишь унижением РФ. Москва не смогла поддержать своего потенциального союзника, что стало еще одним ударом по великодержавным амбициям ельцинской России. Вполне возможно, как подчеркивал В.А. Кременюк, силовое решение косовской проблемы было принято Вашингтоном в целях оказания давления на РФ, которая с приходом в большую политику Е.М. Примакова попыталась выстроить ось «Москва – Дели – Пекин» для уравнивания влияния Запада в постбиполярном мире [4, с. 286].

Нужно признать, что Россия и США так и не стали партнерами, несмотря на предоставление РФ членства в «большой восьмерке». Позднее, сам Б.Н. Ельцин признал, что после бомбардировок Югославии рухнул весь послевоенный уклад жизни, рухнули все правила, которые были установлены ООН [12, с. 254]. На последней официальной встрече Б.Н. Ельцина и Б. Клинтона во время саммита ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г. российский президент подверг Запад жесткой критике, обвинив Вашингтон в агрессии против Югославии. Президент США в долгу не остался. Тем самым, как справедливо пишет А. Стент, шоу Билла и Бориса завершилось [14, с. 72–73].

После Косовского кризиса в России начался процесс переосмысления внешнеполитических приоритетов страны. Российское руководство отказалось от безоговорочной поддержки западных инициатив в надежде на скорую интеграцию страны в «западный мир». И стало еще активнее продвигать идею многополярного мира. В беседе с госсекретарем М. Олбрайт во время ее визита в Москву в конце января – начале февраля 2000 г. и.о. президента В.В. Путин подчеркнул, что РФ не

приемлет ситуацию, когда США ставят свои интересы выше принципов международного права. Поэтому Москва отвергает попытки Запада поставить гуманитарную интервенцию выше суверенитета и территориальной целостности, поскольку это ведет к ревизии основ всего международного правопорядка [25, с. 65–66].

Заключение. Таким образом, политика РФ в отношении урегулирования Косовского кризиса 1998–1999 гг. полностью зависела от уровня российско-американских отношений. Руководство России, принимая те или иные шаги на Балканах до агрессии НАТО против СРЮ, всегда ориентировалось на возможную реакцию США. Тем самым Москва выступала ведомым Вашингтона. Соединенные Штаты, почивая на лаврах победителей в Холодной войне, своим поведением на Балканах указали Российской Федерации ее истинное место в постбиполярном мире. И на то, нужно признать, у американцев были все основания. Политические круги США воспринимали Россию как поверженного врага. Согласно американскому взгляду на мир, слабая Россия должна безропотно принимать все действия Запада, если Москва хочет стать частью «цивилизованного», т.е. западного мира. Поэтому Вашингтон был раздражен, что в конце 1990-х гг. русские все чаще стали публично демонстрировать свое несогласие с американской позицией по ряду ключевых проблем мировой повестки. Неудивительно, что, не добившись от Москвы принятия западного варианта дипломатического решения косовской проблемы, американцы решили проигнорировать Россию и поставить ее перед свершившемся фактом. По их убеждению, военная операция против СРЮ должна была не только «наказать» С. Милошевича, но и указать РФ ее место.

Агрессией против СРЮ НАТО грубо нарушило принципы международного права, на которых строилась Ялтинско-Потсдамская система международных отношений. Вмешавшись во внутренние дела суверенного государства, США вызвали всплеск антиамериканских настроений в России, которые было вынуждено учитывать прозападно настроенное высшее руководство страны. Тем самым Косовский кризис 1998–1999 гг. серьезно подорвал доверие в российско-американских отношениях. В действиях Вашингтона Москва увидела стремление США к слому системы международного права при полном игнорировании позиции России. Поэтому ставший вскоре президентом РФ В.В. Путин стал постепенно перестраивать российскую внешнюю политику.

Работа выполнена в рамках НИР 1.06.4 «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» (науч. рук. – к.и.н., доц. А.П. Косов) по заданию 12.1.6 «Всеобщая история, международные отношения и геополитика» подпрограммы 12.1 «История» ГПНИ 12 «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (ГР 20210496 от 1.04.2021).

Литература

1. Гуськова, Е.Ю. Продолжающийся балканский кризис и политика России / Е.Ю. Гуськова // *Обозреватель*. – 1999. – № 12. – С. 34–40.
2. Lipman, T.W. Albright Misjudged Milosevich on Kosovo / T.W. Lipman // *Washington Post*. – 1999. – September 21. – P. A1, 16.
3. Голдгейер, Дж. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны» / Дж. Голдгейер, М. Макфол. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 520 с.
4. Кременюк, В.А. Уроки холодной войны / В.А. Кременюк. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 319 с.
5. Косово: международные аспекты кризиса / под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. – М.: Гендальф, 1999. – 309 с.
6. Мэтлок мл., Дж. Сверхдержавные иллюзии. Как мифы и ложные идеи завели Америку не в ту сторону – и как вернуться в реальность / Дж. Мэтлок мл. – М.: Междунар. отношения, 2011. – 384 с.
7. Сысоев, Г. Бомбардировки будут продолжаться столько, сколько Милошевич хочет, чтобы мы их продолжали / Г. Сысоев // *Коммерсантъ*. – 1999. – 24 марта. – С. 1.
8. Уткин, А.И. Американская империя / А.И. Уткин. – М.: Эксмо, 2003. – 736 с.
9. Lynch, A. The Realism of Russia's Foreign Policy / A. Lynch // *Europe-Asia Studies*. – 2001. – January. – Vol. 53, № 1. – P. 7–31.
10. Шевцова, Л.Ф. Режим Бориса Ельцина / Л.Ф. Шевцова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 535 с.
11. Россия и США после «холодной войны» / Ю.П. Давыдов [и др.]; отв. ред. В.А. Кременюк. – М.: Наука, 1999. – 143 с.
12. Ельцин, Б.Н. Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления... / Б.Н. Ельцин. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – 383 с.
13. Пушков, А.К. Глобальные шахматы. Русская партия / А.К. Пушков. – М.: Эксмо, 2018. – 352 с.
14. Стент, А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений / А. Стент. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 464 с.
15. Иванов, И.С. Внешняя политика России и мир. Статьи и выступления / И.С. Иванов. – М.: МГИМО (У); РОССПЭН, 2000. – 352 с.
16. Млечин, Л. Секреты российской дипломатии. От Громыко до Лаврова / Л. Млечин. – М.: Аргументы недели, 2020. – 608 с.
17. Как Чернобырдин спасал Россию / под ред. В. Дорофеева; ред.-сост.: А. Соловьев, В. Башкирова. – М.: Коммерсантъ: Эксмо, 2011. – 352 с.
18. Брутенц, К.Н. Закат американской гегемонии / К.Н. Брутенц. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 512 с.
19. Бородулин, В. 15 000 000 000 долларов потеряла Россия благодаря Примакову / В. Бородулин // *Коммерсантъ*. – 1999. – 24 марта. – С. 1.
20. Примаков, Е.М. Минное поле политики / Е.М. Примаков. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 361 с.
21. Примаков, Е. Восемь месяцев плюс... / Е. Примаков. – М.: Мысль, 2002. – 239 с.
22. Каширина, Т.В. Проблема ограничения и сокращения стратегических вооружений в американо-советских / российских отношениях в 1969–2010 годах: монография / Т.В. Каширина. – Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2013. – 593 с.
23. Тэлботт, С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии / С. Тэлботт. – М.: Городец, 2003. – 528 с.
24. Clark, W.K. Waging Modern War: Bosnia, Kosovo, and the Future of Combat / W.K. Clark. – N.Y.: Public Affairs, 2001. – LXI+479 p.
25. Назария, С.М. Косовский кризис и международное право / С.М. Назария // *Моск. журн. междунар. права*. – 2004. – № 3. – С. 48–66.

Поступила в редакцию 16.12.2021